

Оглавление

Предисловие

Как менялись представления о викингах

Введение

Асгард

Мировосприятие викингов 16

Глава 1. Фуле, Ньюдам и Старая Уппсала

Происхождение викингов..... 24

Глава 2. Линдисфарн, Этелни и Йорк

Викинги в Англии, 789–954..... 60

Глава 3. Дорестад, Париж и Руан

Викинги во Франкии, 799–939..... 98

Глава 4. Айона, Данкелд и Оркнейские острова

Викинги в Шотландии, 795–1064..... 132

Глава 5. Дублин и Кашел

Викинги в Ирландии, 795–1014..... 161

Глава 6. Севилья и Луна

Викинги в Испании и Средиземноморье, 844–861..... 192

Глава 7. Киев, Константинополь и Болгария

Викинги в Восточной Европе до 1041 г. 203

Глава 8. Тингвеллир, Браттахлид и Л'Анс-о-Медоуз

Скандинавы в Северной Атлантике, 835–1000..... 242

Глава 9. Мэлдон, Лондон и Стэмфорд-Бридж

Возвращение викингов в Англию, 978–1085..... 283

Глава 10. Хедебю, Еллинг и Стикластадир

Скандинавские королевства до 1100 г. 309

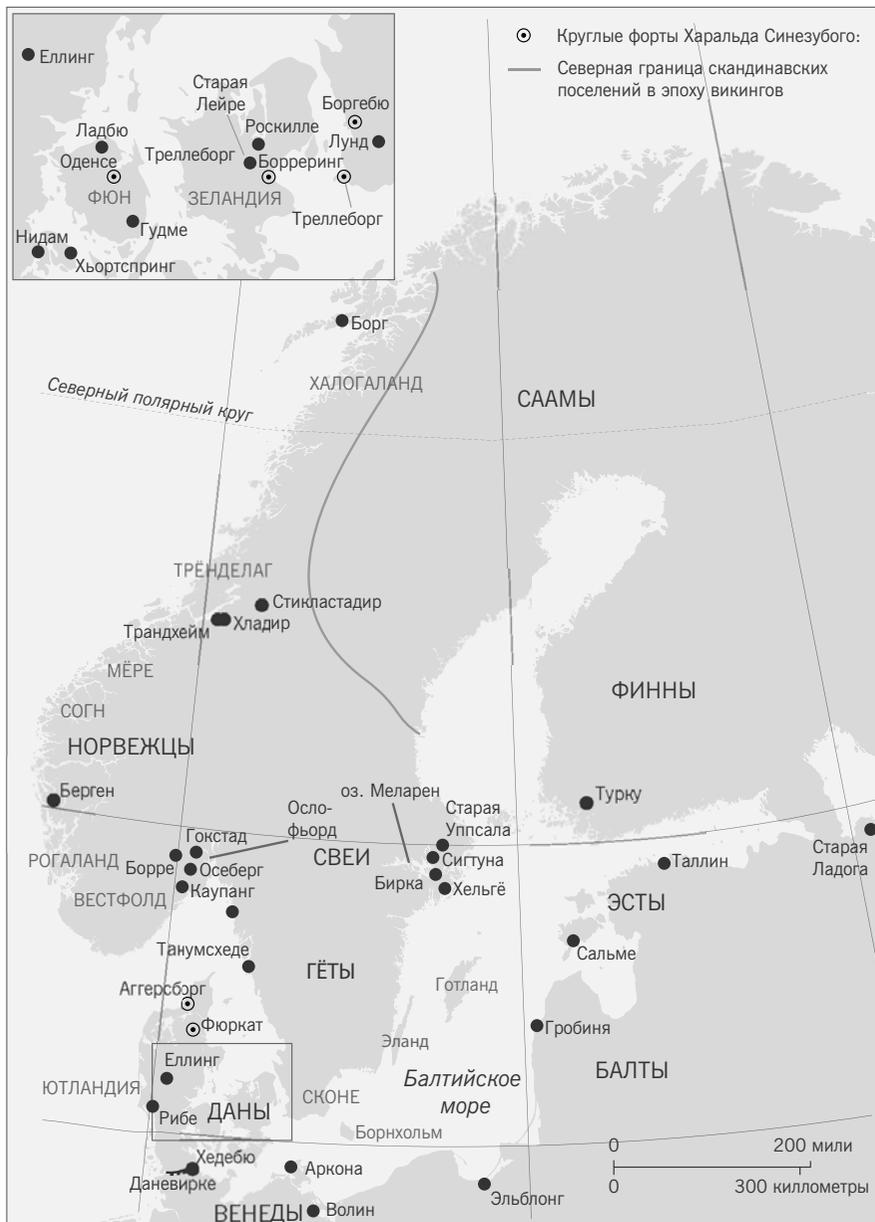
Глава 11. Палермо, Иерусалим и Таллин

Из викингов в крестоносцы 357

Глава 12. Ларгс, Рейкхольт и Хвалси

<i>Закат викингов</i>	372
Хронология	399
Норманнские короли и правители ок. 800–1100 гг.	404
Список иллюстраций	410

Скандинавия

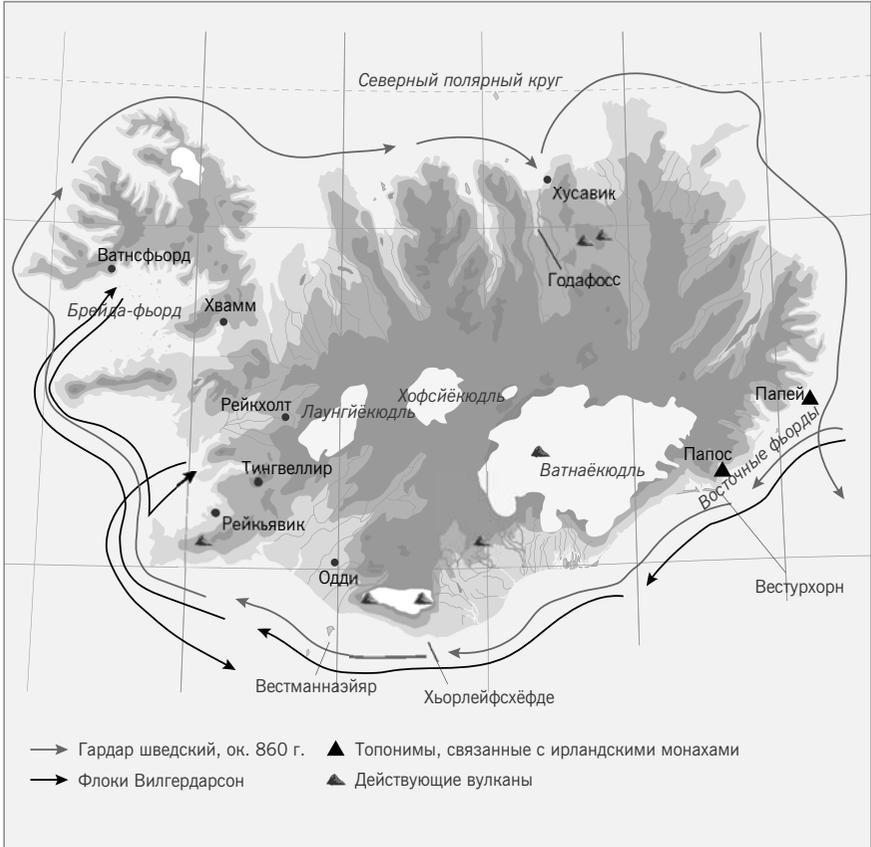
Англия и Ирландия

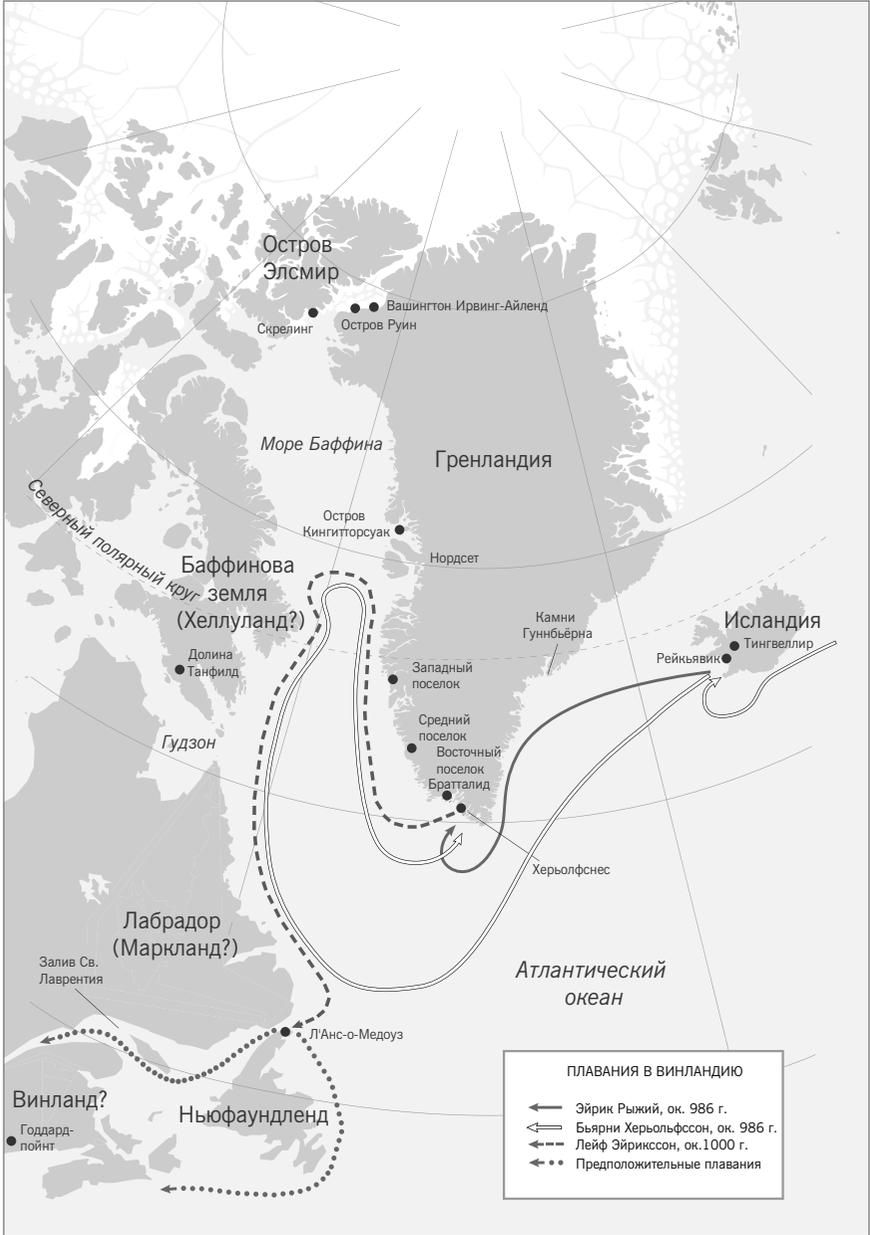
Западная Европа ок. 800 г.

Исландия

Плавания в Винланд

Пути продвижения на восток

Предисловие

Как менялись представления о викингах

Поистине уникальным явлением европейской истории викингов сделали не технологические, военные или культурные новации — во многих отношениях это были малоразвитые народы, и даже технологии судостроения у них были архаичными, — а то, как широко они раздвинули границы своего мира. Не было до них европейцев, которые повидали бы так много чужих стран. От родной Скандинавии викинги совершили плавание на восток по великим рекам России и дошли, переплыв Черное и Каспийское моря, до Константинополя и Багдада. На западе освоили все побережье Западной Европы, основав колонии в Шотландии, Англии, Ирландии и Франции. Вторгались они и в Средиземноморье, высаживаясь на берегах Италии и Северной Африки. А параллельно с этим пересекли Атлантику, по пути заложив поселения на Фарерах, в Исландии и Гренландии, и стали первыми, насколько мы сегодня знаем, европейцами, ступившими на землю Северной Америки. Именно эти далекие путешествия и отвага первопроходцев привлекают наше внимание к викингам спустя столько веков.

В разные времена к ним относились по-разному. Главными летописцами средневековой Европы были монахи, а поскольку они часто становились жертвами викингов, то много писали о чинившихся ими грабежах, разорении городов и захвате пленников (не особо распространяясь об изнасилованиях, видимо, потому, что для них, мужчин, хотя бы в этом смысле викинги не представляли опасности). Дикими варварами, сродни вандалам и готам, разграбившим античный Рим, норманны оставались до XIX в., когда наступила эпоха национального романтизма. Именно тогда средневековый образ викингов — непобедимых

морских разбойников — получил новую трактовку. Превратившись в европейское захолустье, скандинавские королевства утратили влияние на международной арене и не принимали участия в построении империй, которым занялись Великобритания и Франция. В результате у скандинавов возникло непреодолимое искушение обратиться к героической эпохе, когда они правили миром. Именно тогда смысл слова «викинг» изменился. Средневековые авторы, используя его, подразумевали всякого, кто занимается морским грабежом, то есть пирата, и вовсе не обязательно скандинавского. Считается, что этимологически «викинг» — это «человек из бухты», возможно, потому, что именно в бухтах разбойники прятались, подстерегая торговые суда. Однако под влиянием национального романтизма слово «викинги» стало синонимом «скандинавов раннего Средневековья», и такое употребление закрепилось. Тогда же викингов «оснастили» варварскими рогатыми шлемами, что выглядит романтично, однако исторически недостоверно (заблуждение родилось из-за неверной атрибуции шлемов бронзового века как викингских). И эти шлемы также закрепились в массовом сознании.

Во второй половине XX в. этот воинственный образ подвергся пересмотру. Археологи обнаружили, что у викингов были и мирные занятия — ремесла, торговля, географические исследования, колонизация, — что позволило лучше представить образ жизни этих людей. Вместе с тем возникла тенденция преуменьшать их жестокость, считая описания монахов-хронистов преувеличением. Отчасти это было гиперреакцией на устоявшееся представление, но, кроме того, после двух кровопролитных мировых войн ни завоевания, ни строительство империй больше не казались европейцам героическими деяниями. И все же эпоха викингов была полна насилия: их торговля питалась военными трофеями, особенно пленниками, а основанию мирных колоний предшествовали кровавые завоевания. Эта книга не претендует на то, чтобы нарисовать всеобъемлющую картину жизни викингов: здесь почти не рассказывается об их достижениях в искусстве, о быте или, например, о положении женщин. Ее цель — поместить норманнов в широкий географический и исторический контекст, начиная от их доисторических языческих

корней и до интеграции в христианскую Европу. Этот подход помогает увидеть, что эпоха викингов в разных странах началась и окончилась в разное время. В англоговорящем мире ее принято отсчитывать примерно от 793 г. (разграбление Линдисфарна) и заканчивать 1066 г. (битва при Стэмфорд-Бридж), но история не столь скрупулезна. В Скандинавии и Балтии эпоха викингов началась на добрую сотню лет раньше и в ряде отношений длилась еще на век дольше. На островах Шотландии последнее упоминаемое хрониками нападение норманнов произошло в 1240 г. В исландских и гренландских колониях государственные структуры и общественные институты эпохи викингов жили еще в XIII в. Викинги не явились ниоткуда, и закат их цивилизации был долгим. Это длинный путь, начавшийся в Асгарде при сотворении мира и окончившийся свадьбой в Гренландии в XV в.

Введение

Асгард

Мировосприятие викингов

*Гибнут стада, родня умирает, и смертен ты сам; но знаю одно,
что вечно бессмертно: умершего слава.*

*Глупый надеется смерти не встретить, коль битв избегает;
но старость настанет — никто от нее не същует защиты*.*

Речи Высокого

В эпоху викингов обычный удел скандинава был таков: тяжелый труд на земле, постоянно подстерегающие опасности и смерть на четвертом или пятом десятке. Того, кто решил стать викингом в буквальном смысле этого слова, то есть пиратом, смерть зачастую настигала еще раньше. Опасность утонуть в море была повседневной реальностью для каждого: в непогоду хрупкие скандинавские суда шли на дно или в щепки разбивались о скалы. Купцы постоянно рисковали подвергнуться нападению морских разбойников, а на каждого викинга, вернувшегося домой с мешком серебра или добывшего себе надел земли на завоеванных территориях, приходился по меньшей мере еще один, изрубленный на куски в битве или умерший от болезни в зимнем лагере. Ясно, что в стремлении стяжать добро, землю и славу викинги охотно шли на отчаянный риск. Идеология этого дерзкого и предприимчивого сообщества всячески порицала уклонение от опасности. Мир, в котором жили древние скандинавы-язычники, не предполагал стремления к какой-либо высокой цели, и если людей и вправду создали боги, они сделали это лишь для собственной выгоды: чтобы было кому приносить

* Пер. А. Корсуна.

им жертвы. Если человеческая жизнь в этом мире могла иметь какой-то смысл, то лишь тот, который ты придашь ей сам, совершив деяния, за которые тебя будут помнить.

СОТВОРЕНИЕ МИРА

Скандинавы считали, что в центре Вселенной находится исполинский вечнозеленый ясень Иггдрасиль, ветви которого объемяют небеса и соединяют миры богов, ледяных великанов-ётунов, огненных гигантов, эльфов, гномов, людей и царство мертвых. О происхождении Иггдрасиля и его будущности в мифах ничего не сказано, его существование разумелось само собой и полагалось, по-видимому, вечным. Однако при этом Иггдрасиль не упоминается в скандинавской космогонии, где мир творится в результате взаимодействия враждебных друг другу сил. В начале времен было всего два мира: огненный Муспелль на юге и ледяной Нифльхейм на севере. Между ними лежала зияющая бездна Гиннунгагап. Там, где жар Муспелля встречался со льдом Нифльхейма, лед таял и капал. От тепла в каплях пробуждалась жизнь, и они превратились в великана, имя которому было Имир. Пока Имир спал, из пота у него подмышкой образовались еще два великана, мужчина и женщина, а одна его нога родила от другой сына. Таким образом Имир положил начало расе ётунов. Лед продолжал таять, и появилась корова. Ее звали Аудхумла. Она насыщалась лизанием соленого льда, а четыре молочные реки, текшие из ее сосцов, питали Имира.

От тепла ее языка изо льда появился еще один великан по имени Бури. Огромный, сильный и прекрасный, он произвел на свет сына по имени Бор: о матери не сообщается ничего, но ею была, по-видимому, ледяная великанша, поскольку тогда в мире только они и жили — не считая Аудхумлы. Бор взял в жены Бестлу, дочь ётуна Бёльторна, и у них родились три сына: Один, Вили и Ве — первые боги. Один с братьями убили Имира и сделали из его тела землю, а из крови — океан и установили над землей его череп, создав таким образом небо. Затем боги поймали несколько искр и горячих углей, вылетевших из Муспелля, и поместили на небо освещать небеса и землю.

Также они посадили на небо темную великаншу Нотт (Ночь) и ее прекрасного светлого сына по имени Даг (День), чтобы они друг за другом объезжали мир раз в 24 часа, и прекрасных брата и сестру по имени Мани (Луна) и Сол (Солнце). Теперь по их передвижениям можно было исчислять дни, месяцы и годы.

Боги сотворили мир в виде огромного круга. Область по периферии они отдали великанам. Это страна звалась Ётунхейм, и там великаны строили планы мести за убийство Имира. В середине боги из ресниц Имира построили для защиты от враждебных ётунов крепость, окруженную водами океана. Назвали ее Мидгард, то есть «Срединная земля». Наконец, боги взяли мозг Имира и разбросали по небу — так получились облака. На этом с утилизацией Имира покончили. Гуляя по берегу только что созданного океана, Один, Вили и Ве нашли два древесных ствола и вырезали двух первых людей, назвав мужчину Аск (Ясень), а женщину Эмбла (Вяз), и от этих первых произошло все человечество. Аску и Эмбле отдали на жительство в Мидгард. Создав людей, боги занялись строительством собственного царства — Асгарда — небесного города высоко над Мидгардом, к которому присовокупили огненный радужный мост Биврёст, соединивший два царства, чтобы боги могли ездить к людям. О том, давно ли, по верованиям викингов, происходили эти события, мифология не сообщает. Как большинство дописьменных народов, викинги не имели точных методов датировки, и любые события, произошедшие не на памяти живущих, вероятно, существовали в некоем подобии Времени сновидений австралийских аборигенов.

АСГАРД, ДОМ БОГОВ

В стенах Асгарда находились десятки восхитительных храмов и дворцов, где боги пировали и держали совет. Один, сидя на троне в Валяскьяльве, чертоге с серебряной крышей, озирает весь мир и каждое утро на заре отправляет своих воронов Хугина и Мунина собирать новости. Как любой норманнский вождь, Один имел личную дружину воинов, зйхериев, набранную

из числа храбрейших героев, павших в бою. Эйнхерии обитали в Вальхалле («чертоге убитых»), огромном дворце с 540 входами, каждый из которых был столь широк, что пропускал 800 воинов, идущих плечом к плечу. Вальхалла сияла золотом, вместо стропил там были копыя, а крыша сделана из щитов и лат. Каждое утро эйнхерии покидали свой дворец, чтобы провести день в битве. Вечером убитые чудесным образом исцелялись, и все возвращались в Вальхаллу, чтобы ночь напролет пировать, есть свинину и пить мед. Прислуживали героям валькирии (выбирающие убитых), прекрасные женские божества, облаченные в броню и носившие щиты и копыя. По приказу Одина валькирии слетались на поле боя, чтобы решить, кому достанется победа, и выбрать, кому придется пасть, а храбрейших из павших проводить в Вальхаллу. Там героев встречали чашами хмельного меда, а эйнхерии в их честь громко стучали по столам. Норманнские воины знали, что должны заслужить гостеприимство Одина. Платой за него было участие на стороне Одина в Рагнарёке, великой битве, которая предстояла в конце времен и в которой боги и их непримиримые враги ётуны должны были уничтожить друг друга огнем и потопом и разрушить саму Вселенную. После этого начинался новый цикл творения.

Милость богов

В скандинавских мифах боги никогда не представляли образцами добродетели, достойной подражания. Они стояли выше человеческой морали и, если нужно, легко лгали и обманывали, особенно в отношениях с великанами. Законы в Скандинавии также не были освящены авторитетом богов: за поддержание общественного порядка отвечали люди, и относились они к этому предельно серьезно, несмотря на те бесчинства, что творили в чужих землях. Среди богов лишь Один обладал мудростью. Он принес людям знание рун, поэзию, ярость берсерков и опасную магию под названием сейд, наделявшую даром предвидения и другими, более зловещими способностями. Мудрость Одина записана в «Речах Высокого» — созданном в эпоху викингов анонимном собрании афористичных стихов, которые приписываются Одину

и сохранились в единственном исландском манускрипте XIII в. «Речи Высокого» не затрагивают метафизических материй, они целиком посвящены прагматичной житейской мудрости, ценимой практичными людьми. Заводи друзей, не воспринимай радушие как должное и отдаривай полученные дары. Не ссорься без нужды, не затевай драки по глупости. В походе держи оружие под рукой. Не пей много пива и меда, они отнимают разум. Если не знаешь предмета беседы, молчи: слушать полезнее. Будь осмотрителен в делах и всегда опасайся обмана. Сам всегда будь честен, но только не с врагами: их, если сумеешь, обманывай. Советы подчас бывают противоречивы. Автор «Речей» порицает труса, который думает, что, избежав схватки, будет жить вечно, но в то же время заявляет: лучше быть живым псом, чем мертвым львом.

Как и все доиндустриальные аграрные общества, скандинавы были беззащитны перед превратностями стихий и в борьбе за выживание уповали на помощь богов. Тех нужно было умолять, и в этом помогали только молитва и жертвы. Главной культовой практикой были праздники с жертвоприношениями, называвшиеся блот (приношение крови), которые устраивались осенью, в середине зимы и весной. В скандинавском язычестве не было жрецов, поэтому совершал жертвоприношения местный король или вождь. Чаще всего на алтарь приносили свиней и лошадей. Кровь жертвенных животных, которую разбрызгивали на идолов, на стены святилищ и участников праздника, как считалось, укрепляла и людей, и богов. Мясо животных после этого варили в огромных котлах и съедали на священном пиру, где, по верованиям скандинавов, присутствовали и боги. Возносились молитвы и провозглашались тосты за плодородие, здоровье и процветание. Иногда практиковались и человеческие жертвоприношения (обычно путем удушения), особенно в честь Одина, который пожертвовал собой, провисев девять дней на Иггдрасиле, чтобы познать тайну рун.

Хладнокровный и расчетливый Один особенно почитался королями, воинами и поэтами, но его скорее боялись, нежели любили. А самым популярным богом был, вероятно, сын Одина, могущественный Тор. Он был довольно вспыльчив и не особенно

сообразителен — в большинстве сюжетов о Торе присутствует ирония по поводу его ограниченности и грубой силы, — но зато дружелюбен по отношению к людям. Тор защитил людей от великанов, желавших хаоса, разбив тем головы волшебным молотом Мьельниром. Крестьяне и мореходы молили Тора о хорошей погоде. Путешественники носили миниатюрные молоты как защитный амулет, подобно тому как христиане — образки святого Христофора.

Бог плодородия Фрейр управлял солнцем и дождем, и ему молились и приносили жертвы те, кто хотел мира и доброго урожая.

Из женских божеств самыми популярными, вероятно, были сестра Фрейра Фрейя, богиня сладострастия и любви, и жена Одина Фригг, которую призывали женщины в родах. Жертвы приносили также дисам, безымянным сверхъестественным существам, связанным с плодородием и смертью. Дисы могли споспешествовать в деторождении, и у каждой семьи была своя диса-защитница. Однако, если их прогневать, дисы становились опасны, так что раз в году их умиловливали жертвами на празднике, называвшемся дисаблот, который в Норвегии и Дании устраивали в начале зимы, а в Швеции — в конце. Случалось, кровавыми жертвоприношениями задабривали и эльфов, так как и они могли досадить человеку множеством способов.

СЛАВА — ЕДИНСТВЕННОЕ НАСТОЯЩЕЕ ПОСМЕРТИЕ

Обещание Вальхаллы не означало, что викинги были безрассудны в бою. Да, оно могло утешить воина, встретившего на поле боя смерть, но чего викинги хотели на самом деле, так это жить и пользоваться плодами победы. Только для берсерков, фанатичных приверженцев Одина, гибель в сражении бывала действительно желанна. Перед боем берсерки, воя и кусая щит, вводили себя в яростное исступление (*berserksgangr*, что означает «становиться берсерком»), в котором делались нечувствительны к боли и ранам. Берсерки не носили доспехов, и такое пренебрежение собственной безопасностью устрашало противника,

однако большинство из них неизбежно находили свою смерть, которой так жаждали.

За исключением Вальхаллы, в остальном скандинавские представления о загробной жизни были довольно туманными и мрачными. Распространенная практика погребения вместе с умершим даров и принесенных в жертву животных и даже рабов подсказывает, что скандинавы представляли загробную жизнь похожей на земную, вплоть до сохранения социальных различий, и что умершие для них оставались рядом, некими призрачными сущностями, обитающими в могилах. Наряду с этим бытовало поверье, что умершие от болезни и старости, то есть почти все, попадают в наполненный ледяным туманом Нифльхейм, где их ждет безрадостное посмертие и дележ скудной снеди, раздаваемой разлагающейся богиней Хель. Души незамужних дев забирала Фрейя, которая помещала их в своем дворце Фолькванге: Один разрешил ей забирать туда же часть его воинов, чтобы девы не скучали в одиночестве. Души утопленников собирала Ран и доставляла на остров Хлесеи во дворец своего мужа, бога Эгира («Море»). Проводившим загробную жизнь у Эгира повезло по крайней мере в том, что среди богов он был лучшим пивоваром.

Возможно, как следствие христианского влияния в эпоху викингов в скандинавском язычестве возникла концепция посмертного воздаяния, хотя в виде судилища без судьи. Души праведных попадали в Гимле, дворец с золотой крышей в Асгарде, или в другой гостеприимный чертог, Синдри, в горах Нидафьель в подземном царстве. Клятвопреступники и убийцы принимали заслуженные страдания в Настрандире («Берег мертвых»), страшном дворце в Нифльхейме, построенном из переплетающихся змей, каплющих ядом. Самые черные души низвергались в Хвергельмир, колодец в подземном царстве, где их пожирал змей Нидхёгг, трупоядец. Для большинства людей варианты посмертного жребия не обещали ничего такого, что было бы лучше их земного существования: даже самым славным воинам предстояло сгинуть в битве, которой им не суждено было выиграть, так что разумнее всего было жить сегодняшним днем.

Сознание конечности всего, даже богов и посмертной жизни, формировало у скандинавов фаталистический взгляд на жизнь

и безразличие к смерти. Считалось, что воин должен встречать ее пожатием плеч и мрачной усмешкой, чтобы показать, что он сохранил самообладание и не поддается страху. Жизнь не стоила того, чтобы за нее особенно цепляться, и, если выпало погибнуть, ты все равно не мог ничего с этим поделать.

Язычники-скандинавы верили, что при рождении каждого человека присутствуют норны — женские божества, определяющие его судьбу. Предуказание судьбы выглядело как сучение пряжи или нанесение зарубок на дерево, и раз указанную судьбу изменить было невозможно. Норны были высшей силой во Вселенной, и даже боги не смели оспаривать их приговор. В иных культурах подобные воззрения могут воспитывать апатию. В Скандинавии, однако, они питали дух авантюризма и предприимчивости, без которых никогда не случилось бы эпохи викингов. Добрую или злую, норны предписывали судьбу человека, но они не могли предписать, как он примет свою участь. Человек мог осторожничать и избегать малейшей опасности, но это не уберегало от рока: в назначенный час он умирал, в уютной ли постели или в гуще сражения. Человек, понимавший и принимавший такую картину мира, сознавал, что, идя на риск, мало что теряет. Смерть приходит к каждому, а все, что остается от человека, — это слава, которая, таким образом, куда важнее жизни. Когда викинг насмерть стоял за своего господина и товарищей, он делал это не потому, что хотел попасть в Вальхаллу, а чтобы оградить свою честь от малейших подозрений в трусости. Человек без чести становился нидингом, в буквальном смысле никем, его забывали — и поделом — даже родные. Тот, кто не рисковал ничем, достигал меньше, чем ничего. Лучше было проявлять храбрость и стяжать славу, богатство и почести дальними опасными походами и подвигами на поле брани. Тогда можно было умереть спокойно, зная, что и в следующих поколениях скальды (придворные поэты) будут петь тебе хвалу за пиршественным столом: вот единственная несомненная посмертная жизнь, на какую стоило надеяться.

Глава 1

Фуле, Ньюдам и Старая Уппсала

Происхождение викингов

Эпоха норманнских вторжений стала итогом нескольких веков общественного и политического развития, создавших в Скандинавии агрессивное и хищническое общество. Викинги не появились неведь откуда в конце VIII в., хотя именно так могло казаться их перепуганным и потрясенным жертвам. Но в остальной Европе эту эволюцию едва ли заметили, и не только по причине географической отдаленности. Глубокое культурное предубеждение образованного греко-римского мира против «варваров» означало, что народы Северной Европы почти не изучались и редко становились предметом описания. Предубеждение сохранилось до христианской эпохи, когда скандинавов стали порицать не только как варваров, но и как язычников. А поскольку книжная культура в Скандинавии вполне сформировалась только после прихода христианства, на закате эпохи викингов, то о предпосылках этой эпохи письменных свидетельств почти не осталось: доисторический период в Скандинавии получился долгим.

ПЛАВАНИЕ ПИФЕЯ НА ОСТРОВ ФУЛЕ

Первым автором, описавшим посещение Скандинавии, был греческий путешественник Пифей из Массалии, который совершил плавание по северным морям около 320 г. до н. э. Вернувшись, он опубликовал путевые записки под названием «Об океане». Увы, это сочинение до нас не дошло и сегодня известно лишь по цитатам, приведенным у более поздних греческих и латинских

авторов. Эти цитаты показывают, что Пифей был не чужд наук и вычислял широту посещаемых мест по высоте солнца над горизонтом в полдень и по продолжительности дня. Современники, однако, считали, что Пифей выдумал свои приключения, настолько фантастичным казался его рассказ.

Родной город Пифея, Массалию (современный Марсель), основали в 600 г. до н. э. греки из Фокеи. Закрытая удобная бухта не могла не привлечь мореплавателей, к тому же недалеко находилась долина Роны, которая в те времена была важным торговым путем, по которому в Средиземноморье везли британское олово и балтийский янтарь. Фокейцы славились как самые предприимчивые из греческих мореходов. Вскоре после основания Массалии они отправились за знаменитые Геркулесовы столпы — Гибралтарский пролив — в Атлантику налаживать торговые связи с иберийским царством Тартесс, которое изобиловало рудами. По легенде, один из этих греков, Мидакрит, уплыл еще дальше и вернулся в Массалию с грузом британского олова. Где-то около 500 г. до н. э. выход в Атлантику фокейцам закрыли: Геркулесовы столпы захватил Карфаген, могущественный город на побережье Северной Африки. Карфаген жил торговлей и не собирался терпеть чужих купцов на своих морских дорогах. Таким образом, целью Пифея был, скорее всего, поиск новых торговых путей через области, не подвластные Карфагену.

Выйдя из Массалии, Пифей, вероятно, обошел земли враждебного Карфагена по суше и добрался до побережья Бискайского залива, где арендовал у одного из местных кельтских племен корабль до Британии. Особенно славились крепкими парусными кораблями бретонские венеты, которые активно возили на них олово с Британских островов. Пифей высадился на мысе Белерион (ныне Лэндс-Энд) и прошел всю Британию. Дотоле знания об этом острове у греков основывались на легендах и молве. Пифей первым добыл достоверные факты. Его оценка длины побережья острова в 40 000 стадиев (то есть приблизительно 7400 км) удивительно близка к реальной цифре, которая составляет около 7560 км. Следующий этап путешествия увел Пифея далеко за границы известного мира. Отплыв с какого-то из островов у северного побережья Британии, он на шестой день

пути достиг земли, которую называет Фуле. Его свидетельство о том, что солнце там в середине лета скрывается за горизонтом всего на два-три часа, позволяет определить местонахождение Фуле на 64° северной широты. Однако Пифей не располагал методами определения долготы. Очевидно, что Фуле находилась где-то далеко на севере, но где именно? Невозможность определить точное местонахождение сделала ее скорее символом самых дальних северных земель, чем реальным объектом.

Эту землю пытались отождествить и с Исландией, и даже с Гренландией, но, как ясно показывает комментарий греческого географа Страбона (63–64 гг. до н. э. — 24 г. н. э.), Фуле населяли земледельческие народы:

« [Пифей], по-видимому, достаточно хорошо использовал бывшие в его распоряжении факты в отношении людей, живущих вблизи холодного пояса, говоря о крайней скудности и недостатке домашних животных и плодов, о том, что люди, живущие там, питаются просом и другими злаками, плодами и кореньями; а где есть хлеб и мед, там из них готовится и напиток. Что касается хлеба, говорит он, то, так как у них не бывает ясных солнечных дней, они молотят хлеб в больших амбарах, свозя его туда в колосьях; ибо молотильный ток они не употребляют из-за недостатка солнечных дней и из-за дождей».

*Страбон. География, кн. IV, 5.5**

Гренландию в те времена только начали осваивать охотники-собиратели иннуиты, а Исландия оставалась безлюдна, поэтому ни та ни другая на роль Фуле не подходит. А значит, высадился Пифей, скорее всего, где-то неподалеку от Трандхеймс-фьорда, на западном побережье Норвегии. Несмотря на северные широты, климат норвежского побережья относительно мягок из-за Гольфстрима, теплого атлантического течения, и потому земледелие здесь возможно даже за Полярным кругом. На защищенных южном и восточном берегах Трандхеймс-фьорда почвы

* Пер. Г. А. Стратановского.

одни из самых плодородных в Норвегии, и земледельцы селились там уже в 2800 г. до н. э. Затем Пифей двинулся дальше на север, и его наблюдения явно свидетельствуют о том, что он пересек Северный полярный круг. Пифей утверждал, что в одном дневном переходе к северу от Фуле море сковано льдом, хотя неясно, видел ли он это своими глазами или пересказывал сообщения других мореплавателей.

Посетив Фуле, Пифей двинулся на юг исследовать Балтийское море, в которое, скорее всего, прошел через Скагеррак, Каттегат и какой-то из проливов между островами Датского архипелага. Пифей посетил некий остров Абалус, на берегах которого собирали янтарь. Камень огненного цвета, полупрозрачная окаменевшая смола, янтарь тысячелетиями высоко ценился в Средиземноморье не только за красоту, но и за электростатические свойства, казавшиеся волшебными: по-гречески янтарь назывался *электрум*, это он подарил нам слово «электричество». О происхождении янтаря ходили разные мифы, и Пифей был первым, кто установил истину. В Абалусе опознавали датские острова Зеландию и Борнхольм, Земландский полуостров возле современного Калининграда (ныне самый богатый источник янтаря) и остров Гельголанд в Северном море. Последняя версия кажется маловероятной, так как, по словам Пифея, Абалус лежал в одном дне морского пути от страны готов, которые в то время жили на побережье Балтики. По водам Балтики Пифей дошел до устья Вислы, а может быть и дальше, а затем двинулся домой в Массалию вниз по Танаису (Дону) на юг до Черного моря, где в одной из многочисленных греческих колоний без особого труда нашел корабль, который доставил его в родной город.

Цитата из Пифея, приведенная у Страбона, при всей ее краткости представляет собой первый отчет очевидца о том, как жили предки викингов, хотя и мало что сообщает об этих людях сверх того, что они пили мед и эль и сушили злаки в амбарах. Если Пифей и рассказал что-то о языке, обычаях и общественных институтах обитателей Фуле, читатели не сочли это достойным сохранения. Чтобы узнать о ранних предках викингов что-нибудь существенное, придется обратиться к археологии.

СКАНДИНАВИЯ В КАМЕННОМ И БРОНЗОВОМ ВЕКЕ

Предками викингов были, вероятнее всего, земледельцы каменного века, пришедшие в Скандинавию около 6000 лет назад и вытеснившие либо ассимилировавшие местных охотников-собирателей, чьи предки оказались здесь в конце последнего ледникового периода, приблизительно еще на 6000 лет раньше. Новые пришельцы принадлежали к культуре шнуровой керамики (названной так по способу украшения глиняной посуды путем отпечатывания в сырой глине плетеных шнуров), которая зародилась на Северо-Германской низменности. Хотя связь едва ли возможно установить абсолютно точно, культуру шнуровой керамики соотносят с областью начального распространения германских, славянских и балтийских языков. Если эта теория верна, то пришельцы-аграрии, вероятно, уже говорили на языках, которые предшествовали современным скандинавским и принадлежали, наряду с немецким, английским, голландским и фризским, к германской языковой семье. Близкое генетическое сходство современных датчан, норвежцев и шведов с современными северными немцами — еще одно подтверждение этой версии. Никаких свидетельств других сколько-нибудь массовых миграций в Скандинавию вплоть до конца XX столетия не обнаруживается. Эта земля оставила след в истории скорее как экспортер населения.

Около 1800 г. до н. э. в Скандинавии появляются первые бронзовые артефакты. Бронза — это сплав меди и олова, которые в ту пору в Скандинавии не добывали (богатые залежи меди в Швеции открыли только в Средние века). Поэтому скандинавы целиком зависели от импорта. Поначалу ввозились готовые бронзовые изделия, но, когда местные кузнецы освоили искусство бронзового литья, они, вероятно, стали закупать бронзу в чушках, что широко практиковалось тогда в Европе. В тот же период на континенте развернулась широкая торговля янтарем, и, возможно, именно им скандинавы оплачивали поставки бронзы. Янтарь высоко ценился, и это гарантировало, что дефицита бронзы на севере не случится. Установление торговых связей с дальними землями помогло создать в Скандинавии более

сложную общественную иерархию, о чем свидетельствует появление небольшого числа особенных захоронений, содержащих ценные предметы и отмеченных погребальными курганами. Камень, годный для изготовления орудий, встречается всюду, но бронза была экзотическим продуктом, а ее изготовление и обработка требовали особых умений, так что торговлю бронзой монополизировала немногочисленная знать, чем существенно усилила свою власть и повысила статус. В самых плодородных областях на юге Скандинавии хутора стали объединяться в небольшие деревни. Типичным жилищем был длинный дом — узкое строение, где люди делили кров с домашним скотом: в одном конце помещения жили хозяева, а в другом был загон для животных. Зимой присутствие скотины помогало обогреть дом. Наличие в деревне одного большого дома среди множества меньших свидетельствует о том, что деревенской общиной управлял один старейшина или вождь. В Норвегии и части Швеции рассеянный тип расселения оставался нормой до конца эпохи викингов.

Бронзовые орудия были несравнимо эффективнее каменных, но не менее, а даже более важным применением бронзы стало изготовление символов статуса, таких как оружие, украшения, бритвы, рогатые шлемы, луры (рога-сосуды), оснащение для колесниц и предметы культа типа великолепной «Солнечной повозки» из датского Трудхольма — скульптурного изображения запряженной лошадей четырехколесной телеги, в которой едет искусно позолоченный солнечный диск. Рогатые шлемы, неверно датированные антикварами XIX столетия, вызвали к жизни романтическое, но ложное представление, будто именно в таких сражались викинги. Увы, они никогда не носили рогатых шлемов.

Знать бронзового века, вероятно, также распорядилась распределением и использованием янтаря. Янтарные бусы и другие украшения — распространенные погребальные дары в скандинавских могилах каменного века, но они почти не встречаются в погребениях бронзового века. Янтарь так легок, что не тонет в соленой воде (еще одно свойство, делавшее его в глазах древних людей особенным камнем; кроме того, он горит), и волнами

выносятся на пляжи Балтики и Северного моря, где его можно собирать. Однако скандинавская знать, судя по всему, объявляла весь выброшенный на берег янтарь своей собственностью и, успешно запрещая простому народу его оборот, использовала главным образом для заморской торговли.

ПЕТРОГЛИФЫ

Именно в бронзовом веке (ок. 1800–500 гг. до н. э.) обитатели Скандинавии впервые осознали важность мореплавания. Судов, относящихся к этой эпохе, археологи пока не нашли, но их изображения встречаются повсюду: высеченные на скалах, гравированные на бронзовых сосудах и утвари, например, на бритвах, а самые заметные — каменные ладьи. Это погребальные сооружения из крупных камней, имитирующие внешние очертания корпуса корабля. Бывало, что на концах такого каменного судна устанавливались высокие стелы, как бы обозначающие нос и корму; реже высокие камни устанавливались и в том месте, где у настоящего корабля находится мачта. Длина каменных ладей варьируется в основном в пределах от 1,8 до 15,25 м, однако самая длинная, ныне в значительной степени разрушенная, ладья в Еллинге имеет длину около 335 м. До нас дошло более 2000 таких монументов, и больше всего их на шведском острове Готланд, но, вероятно, это лишь небольшая часть того, что было построено. Из сохранившихся ладей многие полуразрушены: крестьяне использовали камни в постройках или просто убрали их с пахотной земли, и, скорее всего, многие ладьи таким образом были уничтожены полностью. Первые каменные ладьи датируются второй половиной бронзового века, и строить их продолжали почти до конца эпохи викингов, то есть без малого 2000 лет. Какие верования связывались с этими символическими кораблями, оставались ли они неизменны на протяжении стольких веков, неизвестно, но, вероятно, ладьи должны были доставлять души умерших в загробный мир. Практика погребения в настоящих кораблях, которая появилась в столетия, непосредственно предшествовавшие эпохе викингов, видимо, была дальнейшим развитием тех же представлений.

Еще более многочисленны, чем каменные ладьи, петроглифы, изображающие большие, похожие на каное суда, в которых плывут воины с копьями и топорами, а также повозки, животные и солнечные диски. Они всегда изображены силуэтом и имеют выгнутые нос и корму. Впрочем, никаких иных деталей конструкции петроглифы не показывают. Как правило, эти изображения располагаются в скалистых руслах, так, чтобы дождевые или талые потоки создавали живую картинку. Маловероятно, что эти петроглифы люди бронзового века вырезали только потому, что им нравились изображения ладей. Скорее всего, они иллюстрируют какие-то сцены из мифологии или имеют ритуальное назначение. Нарисованным ладьям часто сопутствуют петроглифы солнечного диска, которые наряду с артефактами типа «Солнечной повозки» из Труднхольма, вероятно, следует считать признаками солярного культа. В позднем бронзовом веке солярные культы широко распространились в Европе, что указывает на возросшую важность богов неба, которые, разумеется, доминировали в скандинавском пантеоне эпохи викингов. Другой переменной, затронувшей в те времена верования большей части Европы, было введение в обиход кремации как обычного способа погребения. Ему сопутствовал отказ от прежней практики погребальных даров. Ясно, что эти перемены должны отражать коренной сдвиг в представлениях о загробной жизни. Ценные металлические изделия, которые прежде клали в могилы, стали погребать как votивные клады в болотах. Болота, где смешиваются миры воды, земли и воздуха, считались по этой причине особенно таинственными местами. Вместе с тем votивные клады были не просто способом задобрить богов: искусственный дефицит металла помогал элите сохранять высокий статус.

Вследствие природных изменений мы не можем оценить большинство петроглифов бронзового века в их оригинальном контексте. Хороший пример дает объект всемирного наследия ЮНЕСКО Танумсхеде, в Бохуслене на западном побережье Швеции, где на площади в 51 га разбросано около 600 петроглифов. Когда их вырезали, место было берегом неглубокого фьорда, но сейчас оно далеко от моря и поросло сосновым лесом. Во время последнего оледенения под колоссальной тяжестью

Скандинавского ледового щита земля просела на 610 м. Когда ледники растаяли, поднялся уровень океана и эта обширная низина заполнилась водой, образовав Балтийское море. Но, освободившись от бремени, земля стала медленно подниматься, и это будет продолжаться еще не одно тысячелетие. В геологии этот процесс называется изостатическим поднятием, и из-за него береговая линия Скандинавии постоянно меняется на протяжении всей истории человечества. Торговым и рыбацким поселениям, зависевшим от моря, не раз приходилось менять место, когда из-за поднятия они оказывались далеко от берега. Балтийское море постепенно высыхает, и приблизительно через 2000 лет его северное крыло, Ботнический залив, по большей части станет сушей.

В течение железного века (500 г. до н.э. — 800 г. н.э.) скандинавское общество постепенно приобретало те особенности, которые напрямую обусловили экспансию викингов. Скандинавский железный век принято делить на три периода: ранний или доримский железный век (500 г. до н.э. — 1 г. н.э.), римский железный век (1–400 гг. н.э.) и германский железный век (400–800 гг. н.э.). Открытие железа вызвало в Скандинавии немедленные и значительные перемены. Бронза для изготовления орудий и других артефактов была полностью привозной, но болотное железо — бедная, легко обрабатываемая руда, накапливающаяся в болотах и топях, — имеется здесь в изобилии. Наступившая экономическая независимость привела к упадку торговли с дальними странами, которая обеспечивала незыблемость элит в бронзовом веке. Утратив контроль над распределением металла, элиты лишились влияния и статуса, и лишь пять веков спустя мы обнаруживаем признаки формирования новых общественных элит.

Широкая доступность металлических орудий обеспечила распространение земледелия и рост населения, что сопровождалось нарастанием социальной напряженности. В конце второго столетия демографическое давление выплеснуло из Скандинавии первую из многих в ее истории миграционных волн. Ввиду острой нехватки пахотных земель около 120 г. до н.э. два племени из Северной Ютландии, кимвры и тевтоны, отправились на поиски новой родины. Эти поиски вылились в кровавые

набеги на территории Центральной и Западной Европы, в 102 г. до н. э. докатившиеся до Италии, где, наконец, кимвров и тевтонов уничтожили римляне. Эта миграция, хотя и окончилась катастрофой, была лишь предвестием грядущих событий. Многие из германских племен, вторгшихся в V в. в Римскую империю, по преданиям, имели скандинавские корни. Готы считали, что происходят из Гёталанда на юге Швеции; бургунды — с острова Бургундархольм, ныне датский Борнхольм; вандалы — из Ютландии. Точно из Ютландии вышли англ и юты, которые вместе с саксами колонизировали Британию. Готский историк Иордан около 550 г. назвал Скандзу колыбелью народов за то, что она дала начало столь многим племенам. Экспансия викингов, по сути, была лишь последним этапом продолжительного периода северных миграций.

Происхождение ладьи викингов

Важнейшая археологическая находка раннего железного века — военная: почти целое «боевое каноэ» и оружейный клад, погребенные вместе в болоте близ Хьортспринга на датском острове Альс приблизительно во времена плаванья Пифея. Само судно — старейшая на сегодня дощатая ладья, обнаруженная в Скандинавии, и это наиболее ранний из известных предков норманнского драккара. У хьортспрингской ладьи сразу бросаются в глаза выгнутые поднятые концы, точно как у судов, изображенных на петроглифах бронзового века, так что она, вероятно, представляет собой образец давно утвердившейся технологии. Ладья 17 м длиной и 1,8 м шириной построена всего из пяти липовых досок: одна широкая доска — днище и по две доски внахлест — борта. Именно этот метод сборки корабельного корпуса из досок, скрепленных внахлест, известный как клинкер, обшивка край на край или скандинавская конструкция, и обнаруживается в хьортспрингской ладье самого раннего из известных предшественников норманнского драккара, корпус которого строился таким же способом. Оканчивался корпус хьортспрингской ладьи двумя резными балками, которые служили штевнями. Назначение выступающих клювов, если оно было, нам

неизвестно. Возможно, они должны были цепляться за борт вражеского судна, чтобы перевернуть его, а возможно, это просто реликт ранних этапов скандинавской кораблестроительной традиции и его назначение лишь в том, чтобы придавать кораблю воинственный вид. При постройке ладьи не использовали металлические детали: доски скреплены между собой и привязаны к ребрам каркаса веревками из липового лыка. Гребцов на ладье было 20 — хорошее число для разбойничьей ватаги, — и сидели они на банках на уровне фальшборта. Рулевое весло было и на носу, и на корме, чтобы ладья могла идти в любом направлении. Это удобно для разбойничьих нападений: ладья причаливает к берегу, и ее не нужно разворачивать, если возникает необходимость поскорее отплыть. Умелые строители сделали ладью насколько можно легкой, а ходовые испытания точной реплики показали, что судно было быстрым, устойчивым и с неплохой мореходностью. Вместе с ладьей в болоте затопили оружие на небольшую армию: 138 копий с железными наконечниками, 31 копьё с роговыми или костяными наконечниками, 11 железных мечей, от 60 до 80 щитов и около 20 кольчуг, которые, за исключением одной, дошли до нас в виде ржавых отпечатков на торфе. Также в погребении обнаружены фрагменты бронзового котла и кости лошади, собаки и щенка, ягненка и теленка. И ладья, и оружие сохранились благодаря кислотной и бескислородной среде торфяного болота, где органические материалы типа дерева, ткани и кожи консервируются за счет «маринования», а отсутствие кислорода замедляет ржавление железа.

Хьортспрингский клад — один из самых ранних примеров приношения в жертву военных трофеев, которое в начале железного века стало обычной практикой в Скандинавии и соседних территориях Северной Германии. По масштабу, однако, с хьортспрингским кладом несравнимо ни одно из известных жертвоприношений, и, видимо, он увековечивает какое-то крупное сражение. Вероятнее всего, ладья и оружие принадлежали большому войску, которое вторглось на Альс, но было разбито местными жителями, которые и пожертвовали военную добычу богам в благодарность за дарованную победу. Оружия в кладе хватит, чтобы снарядить по меньшей мере 80 воинов, так что

пришельцам понадобился бы флот не меньше чем из четырех ладей, аналогичных хьортспрингской, но, конечно, мы не знаем, какой части агрессоров удалось бежать. Во всяком случае ясно, что морским разбоем в Скандинавии занимались уже в раннем железном веке.

В приношениях болотам встречаются не только оружие и лодки, но и люди. Ни в Швеции, ни в Норвегии человеческих останков в болотных кладах не обнаружено, но более 200 тел найдено в Дании и соседних областях Северной Германии. Хотя кости многих жертв без следа растворились в кислой среде болота, волосы, кожа и внутренние органы во многих случаях сохранились так хорошо, что анатомирование позволило многое узнать о здоровье этих людей, их питании и причинах смерти. Неожиданно было, например, что в начале железного века в рационе датчан не занимали заметного места морепродукты. Большинство болотных тел имеет признаки насильственной смерти: например, человека из Толлунда повесили около 400 г. до н.э., а человеку из Гроболла столетием позже перерезали горло. Некоторые из болотных тел обнаружены под гнетом тяжелых сучьев. В трактате римского историка Тацита «О происхождении германцев и местоположении Германии»*, написанном в 98 г., говорится, что таков был у германцев один из способов казни преступников.

Войнолюбие скандинавского общества усилилось в годы римского железного века. В вотивных кладах, особенно в Дании, обнаруживается немало римского оружия — свидетельство того, что скандинавы, вероятно, часто воевали с жившими южнее германцами, которые имели прямой доступ к римскому оружию. О том, как возросла важность войны для жизни общества, свидетельствуют погребения воинов с оружием — признак того, что в Скандинавии роль элиты перешла к военным. В некоторых таких погребениях обнаруживаются привозные предметы роскоши: римская серебряная посуда, украшения и стекло. Из этого можно заключить, что среди военной элиты возник

* Корнелий Тацит. О происхождении германцев и местоположении Германии. — М., 1969.